

1960 год

9 января, Орджоникидзе. Я никогда не вел дневника. И жалею. За последние несколько месяцев мне все чаще приходит мысль вести дневник. Но всякий раз меня останавливает боязнь того, что я не сумею найти время для записей. Это не оправдание. Есть немало весьма занятых людей, но дневники они ведут. К сожалению, в свое время, еще в детстве, меня никто не приучил вести дневник, но чего не удалось раньше сделать, надо попробовать сейчас.

Было бы хорошо вспомнить прошлое и записать. Это не дневник, а что-то вроде воспоминаний. На это нужно солидное время. Пока не берусь, а в дальнейшем подумаю.

Сегодня суббота и мне исполнилось 45 лет. Но это не главное событие, главное - это то, что нам с Лизой исполнилось 25 лет супружества. В 7 вечера приглашены гости, и Лиза просила меня прибыть со службы пораньше. Но я, как это часто бывает, не сдержал слово и задержался. Пришли двое подчиненных по вопросу о жилье, и хотя был не приемный день, отказать я не смог.

Больше всего меня взволновали знаки внимания, оказанные сослуживцами. Около 14.00 ко мне зашли в кабинет до двадцати человек старших офицеров, поздравили с днем рождения. Я не ожидал, это было выше того, что я заслуживаю, и я, конечно, сказал, что благодарен, и считаю себя в долгу перед коллективом, и буду работать еще лучше. Всех не запомнил, но среди группы были полковники: Гаяновский, Казак, Овсянников, Клименко; подполковники: Алексаин, Фомичев, Еришов, Масленников и другие товарищи.

Послал адъютанта, чтобы привез на прием из Суворовского училища гражданку, оставшуюся без работы. Обратилась ко мне как к депутату Верховного Совета СО АССР. Говорит: «Вы устроили Савченко, помогите мне». Надо помочь!

22 марта, Грозный. Большая группа генералов и офицеров во главе с командующим СКВО Плиевым проверяет соединение полковника Левченко. Пока по всем вопросам оценки хорошие и отличные. Большой труд коллектива соединения и нашего штаба дает результаты. Все же мои требования по созданию учебной базы в соединении выполнены не полностью. Отчасти вина в этом заместителя Левченко, полковника Михайлина.

Сегодня вызвал меня по «ВЧ» начальник первого управления Главного управления кадров генерал-майор Афанасьев и предложил должность первого заместителя командующего армией в группу войск в Германии. Пока отказался. Хочется быть на самостоятельной работе. Да и заграница надоела! После этого разговора на душе стало как-то тяжело. Попадешь в заместители к Фроленкову – чему научишься? Еще хуже к Ухову. Я с ним учился в ВВА. Трудолюбия у него не заметил, подхалим. К тому же говорят, что он не совсем чистоплотен в семье. Вот и поработай у таких. Другое дело – попасть на работу с Толубко, Шавровым, Шапошиниковым.

13 апреля, Орджоникидзе. Сегодня вызвал по «ВЧ» Главнокомандующий сухопутными войсками маршал Гречко и спросил, как идут дела. Я рассказал. Далее он спросил, как я посмотрю на то, если меня назначат командующим ТА в КВО. Я ответил, что буду выполнять, в дело брошу все свои силы, чтобы оправдать высшее доверие партии и командования. На этом разговор закончился. Он сказал, что будем представлять в ЦК, а я пожелал ему успехов и здоровья.

Дело большое и серьезное. Правда, мои сослуживцы по академии уже по два года командуют армиями, но все же это – весьма ответственное дело. Это то, что мне по сердцу. Сегодня настроение и приподнятое, и тревожное. Поволновался с этим так, что даже голова заболела.

24 апреля, борт самолета ИЛ-14. Лечу в Москву. Сел в Грозном. Остановки самолета в Элисте, Ростове, Воронеже. К 9.00 должен быть в ЦК КПСС. Видимо, вызов связан с разговором, который состоялся 13 апреля с Гречко.

25 апреля, Москва. Вчера прилетел во Внуково. Сегодня к 9.00 прибыл в ЦК КПСС. Принял и беседовал инструктор ЦК КПСС полковник Фролов. Затем заведующий административным сектором

Миронов, который в 11.30 представил Куусинену. Этот старый деятель нашей партии сильно постарел: волосы редкие, белые. Говорит с акцентом. Но разговор ведет живо. Говорит: «Мы не возражаем против назначения Вас командующим, а как Вы сами? Я подтвердил, что не возражаю. Затем он спросил: «Как настроение офицеров в связи с сокращением?» Я ответил: «Пока нормальное, заняты, много работают...» В заключение разговора тот сказал, чтобы 26-го к 15.00 я прибыл на заседание секретариата ЦК.

26 апреля, Москва. В 14.40 прибыл к залу заседаний секретариата ЦК КПСС. Пожилая женщина отметила в списке явку. Нас – четверо военных, до 40 человек штатских – их я не знаю. Та же женщина пригласила нас в 15.55 в зал, при этом всех, кто по назначениям, посадила по одну сторону. Зашел в зал и разместился. Напротив меня – генерал армии Голиков. Встретились взглядами и пожали друг другу руки в воздухе.

Вошли и заняли место за столом товарищи Куусинен, Сулов, Игнатов, Брежнев, Шверник. Первый вопрос – назначения. Дошла очередь до меня. Товарищ Миронов докладывает: «Коллегия Министерства обороны представляет на должность командующего генерал-майора товарища Обатурова, члена КПСС с 1940 года. Рожден в 1915, окончил две академии и т.д.». Как только была названа моя фамилия, я подошел к секретариату. Товарищ Игнатов улыбается, кивками головы здоровается и что-то говорит Сулову. Тот смотрит на меня и тоже улыбается. Очевидно, вспомнили Грозный (28.08-2.09 1958). Тогда с товарищем Игнатовым пришлось быть вместе и под его руководством как председателя комиссии ЦК КПСС действовать.

Товарищ Куусинен ведет заседание. Он спросил, все согласились и в заключение пожелали успехов.

27 апреля, Москва. В 14.30 принял Голиков. Сказал, что в вопросе назначения он в курсе с самого начала. На коллегии МО, где он участвовал, кандидатура была встречена весьма положительно. Далее сказал: «Объем работы теперь несравненно возрастет, имеется много специфики. Я уверен, что у Вас дела пойдут хорошо! Еще раз учтите те советы, которые я Вам давал ранее, при совместной службе, а также не допустите тех крайностей, которые раньше были». На этом попрощался и пожелал успехов, здоровья.

Всюду, и в ЦК КПСС, и в МО, и в Главном штабе сухопутных войск говорят, что мой предшественник генерал-лейтенант Фоминых много пьет, скомпрометировал себя и с должности снимается. Снимается и член военного совета генерал-майор Колосов, соучастник попоек. На его место вместе со мной прошел ЦК полковник товарищ Баранов, заканчивающий в мае Академию ГШ. Первое впечатление – положительное.

18 мая, поезд Адлер – Киев. Сегодня принял Плиев в связи с отъездом. Он сказал, что конечно, Вы (т.е. я) многому у нас научились, были в начале не таким, выросли, что он (Плиев) в свое время выдвинул на армию Андрющенко, а теперь выдвигает меня. Он уверен, что не ошибся. Пожелал успеха, подписал приказ с благодарностью и вручил часы «Россия».

Я в свою очередь поблагодарил за внимание, учебу, пожелал здоровья и успехов.

Остался осадок - опять я, я. А ведь и аттестация, и фактическое положение дел говорит о другом. Пока у меня догадки, но в Киеве я узнаю, кому принадлежит инициатива выдвижения меня. На душе радостно, но несколько неспокойно. Что-то ждет впереди? Как сложится служба? Каков командующий КВО генерал-полковник Кошевой? Много говорят о его отрицательном характере.

19 мая, Гончаров Круг. Сегодня в 11.30 прибыл в Киев. Встретил начальник 1 отделения ОК округа подполковник Петров. Прибыли в штаб к и.о. начальника ОК полковнику Батутеву, который к 12.00 привел меня в приемную командующего войсками КВО.

В приемной познакомился с некоторыми генералами и офицерами, встретился с генерал-полковником артиллерии Кожуховым, которого знал по Будапешту.

Генерал-полковник Кошевой принял в 14.30. Я представился, поздоровался. Он посадил меня и спросил: «Вы прибыли из Орджоникидзе?» Подтверждаю. «А чем командовали?» Отвечаю, что АК. «Вы танкист?» Даю положительный ответ. «Сколько были на корпусе?» Говорю, что 2 года 3 месяца. Во время моих ответов выражение глаз у командующего было такое, словно он или сомневается в верности ответов, либо как бы говорит: «Посмотрим, чего ты стоишь». Затем он приказал прибыть на сборы.

Затем представился НШ округа генерал-лейтенанту Крамеру и члену военного совета округа генерал-лейтенанту Александрову.

Вечером в 21.00 вместе с товарищами Батушевым и Шубаковым (ГУК) прибыли на сборы в Гончаров Круг (учебный центр генерал-лейтенанта Архипова)

29 мая, Днепрпетровск. Знакомился с кадрами. Впечатление о Редечкине – положительное, порядок у него лучше, чем у Калинина.

Кошевой: решительный, волевой, весьма упрям. Дело знает весьма конкретно. Вникает в детали. Горяч, грубоват. Мало слушает других, главным образом полагается на свои соображения.

5 июня, Днепрпетровск. В течение 2 – 4 июня был в Чугуеве вместе с Кошевым, знакомился с соединением генерала Свербихина. Впечатление о нем положительное – требовательный, организованный. Правда, один раз ему не хватило выдержки. Дело было так. Свербихин сказал Кошевому, что помещение штаба мало, негде даже на собрание коммунистов собрать. Кошевой ответил, что штаб – не для собраний, а он, мол, любит много кабинетов. И тут самообладание Свербихину изменило. В ответ он заявил: «Что же делать, существуют парторганизации, с ними надо считаться». Тут вспылил Кошевой: «Я Вам покажу, как меня просвещать... Вы вот какой! А я на вас должен опираться?!»

Кошевой изучил размещение, учебную базу. Все измерил, сам наметил места посадки огневых городков, вышек. Было у меня желание внести свои предложения, но я промолчал, чтобы не сердить его лишний раз.

Вечером третьего я вызвал Редечкина, Калинина, Баранова и мы докладывали Кошевому планирование танковых директрис и строительства на Ново-Московском учебном центре. С некоторыми небольшими поправками согласился. Редечкин халатно отнесся к составлению схемы. Поэтому я снова (уже третий раз) поставил вопрос о привлечении людей на строительство. В прошлый раз Кошевой пообещал дать ответ. Сейчас начал слушать, а потом говорит: «Вы большой человек, сами решайте. А за учебу спросится сполна».

Почему Кошевой меня и комсоединений опекает? Ведь мы не имеем права даже спланировать и посадить огневой городок, хотя мы бы это сделали лучше. В результате вмешательства Кошевого – масса совершенно ненужных переделок, что отражается на учебе. А он упрям, доказать ничего нельзя. В конце мая он потребовал на Ново-Московском учебном центре на каждый огневой городок фронт 400 м, хотя местности не хватает и нужды в этом нет. При докладе 3-го заявил, что по 275 метров мы отводим много, хватит 180 (?)

Вечером 3-го я поставил перед ним вопрос: когда он будет в Кривом Роге? Меня беспокоило то, что там им не рассмотрена распланировка полигона. Разговор шел по пути из столовой в гостиницу. В столовой он немного выпил коньяку и ответил, что будет в конце следующей недели. И тут же добавил: «Вы там сами решайте, да и в Кривой Рог мы ничего дать не можем, все деньги раздали. Раскручивайте комдивов, мало шевелятся. Я не могу все решать, подменять вас, а то они не будут вас признавать. Я это знаю. Сам более шести лет командовал армией».

Следовательно, он хорошо понимает, что подменять не надо, а все же подменяет. Нужна бы была подмена, если бы он убедился, что я и комсоединений не способны и не могут правильно решить. Вывод такой - Кошевой не верит в наши способности, считает недостаточно способными и поэтому все берет на себя. Это оскорбляет кадры.

За эти три дня я присматриваюсь к заместителю командующего округа по боевой подготовке генерал-лейтенанту Ваинруб. Этот «оригинал» теперь ясен. Своего мнения не имеет, вернее, не высказывает. Смотрит в рот начальнику, всячески угадывает мысли, а когда начальство изрекло – из кожи вон лезет, утверждая, что сказанное – идеально. Может отречься от сказанного или указанного им ранее, не моргнув глазом. Кажется, такого типа я встречаю впервые в жизни.

Зато проясняется теперь, кто просил меня на армию у Москвы. Лащенко и Александров. Их поддержал Жданов, а уж затем и Гречко.

Лащенко я знаю по боям в Будапеште, он был командиром особого корпуса, а я был в его подчинении при подавлении контрреволюционного мятежа. В честности его я не сомневаюсь. Но почему он соглашается с некоторыми неправильными решениями Кошевого? Возражать не полагается, но можно промолчать, если не согласен. Посмотрим.

1963 год

4 февраля, Москва. Сегодня в 10.00 началось заседание Главного Военного Совета в Свердловском зале Кремля. Присутствовали Хрущев, Косыгин, Брежнев, Сулов, Микоян, Шверник, Козлов (после перерыва Хрущев и Микоян отсутствовали). Маршал Малиновский сделал доклад о боевой готовности, оперативной, боевой подготовке. Выступили Епишев, Лукашин (ПрикВО), Касатонов (Черноморский флот), Якубовский, Греков (член ВС Белорусского ВО), Тутаринов (командующий войсками УрВО), Демин (чл. ВС ТуркВО), Владимирова (флот), Алексеев (командующий в ЗабВО), Александров (член ВС ЮГВ, генерал-полковник).

8 февраля, поезд Москва – Днепропетровск. Сегодня в «Доме приемов» состоялся прием руководства партии и правительства участников заседания Гл.ВС. Сначала собрались в конференц-зале к 12 часам.

Встретили аплодисментами Хрущева, Козакова, Брежнева, Микояна, Сулова, Косыгина, Шверника, Малиновского.

Малиновский доложил об итогах Гл.ВС и военно-научной конференции. Затем выступил перед нами Хрущев. Говорил о международном положении СССР, которое сейчас весьма благоприятно для нашей страны, соотношение сил в нашу пользу. Кеннеди говорит, что существует равновесие – это уже прекрасно, раньше всегда говорили о нашей слабости. Никогда раньше не было такого международного положения СССР (мой комментарий: но ведь только что был «кубинский кризис», вот-вот могла начаться война. Не слишком ли громко сказано о благоприятной международной обстановке?). Далее о Кубе. Операцию по вооружению и ракетам мы провели скрытно и хорошо. Я инициатор поставки туда ракет! Мы в президиуме долго думали и решили. Я инициатор их убрать. Что? Слабость? Спорю, надо ли было убирать, ибо никто не может сказать, напали бы или нет. Но надо было решать без риска. Зато мы вырвали у американцев обещание не нападать на Кубу. Если бы не ракеты – Кубы давно не было бы. За 2 месяца до этого Кеннеди сказал Аджубею: «Для нас Куба то же, что в свое время Венгрия для СССР». Но Вы действовали до конца, а мы попытались и не довели до конца (имеются в виду войска). В этом наша ошибка».

Так мы выиграли в районе Кубы (мой комментарий: не дай бог таких выигрышей впредь, ибо выигрыш, когда вот-вот война, ядерная война, никому не нужен. Нужно уметь выигрывать без крайнего обострения – в этом искусство подлинного военного дипломата). Теперь все зависит от Кубы, как они наладят внутренние дела. Пока много лозунгов, но мало дел. «Родина или смерть». Умирать они умеют, они революционеры и герои. Но экономику строить не умеют. В прошлом году мы спросили делегацию: «Едят коровы сахарный тростник?» Они не знают. Мы везем им картофель, а у них почвы исключительно плодородные. На этом острове можно сделать рай. А пока у них голод, все везут. Мы написали Фиделю Кастро об этом откровенно, и, он, кажется, начинает понимать. Если они улучшат жизнь широких масс – их не сломать. Германская проблема и Берлин: в последние годы она не является первоочередной и наиболее острой (?). Установив пограничную «стену», мы решили многие вопросы ГДР. Экономика ее подрывалась, люди начали уходить на запад. А теперь – другое дело. Если германский вопрос до этого интересовал прежде всего нас, то теперь он интересует весь мир и больше запад. Мы – хозяйка для Берлина. Берлинская проблема хуже для США, чем для нас. Мы как за хуй с яйцами взяли за Берлин и можем дергать в любое время за него Кеннеди. И будем дергать и не отрывать до времени.

Теперь в мире нет таких проблем, где бы нужно было воевать. Наше положение прочно.

О Китае: нормально мыслящему человеку нельзя понять, чего китайцы хотят. Разногласия всюду, но если разбираться с ними в деталях, то вроде разногласий нет. Это, видимо, то же, что было у нас при Сталине! Но со временем уладится. Мао Цзедун в 1958 говорил, что не знаем, куда девать рис, а к концу года сказал: «Нас подвели». Риса не хватило, мыльный пузырь. Это не украшает тех, кого подводят. Он – «вождь», ему верили. О коммуне мы сказали, что в стране с разрушенной экономикой Ленин ввел НЭП, а через НЭП – к коммуне, а сразу к коммуне – не выйдет. Мы сказали, что это дело ваше. Ну, и ничего не вышло. Они хвастают, что все физически работают, начиная с Мао. Но ведь на первом субботнике Ильич нес бревно, но только на первом. Зачем же делать ненужное? Если Малиновского сейчас заставить работать на токарном станке, то ничего он не сделает и станок ломает. Каждый должен делать свое дело. Страна голодает, а они говорят, что сила народа – только в его политической зрелости. А какая политика без экономики, без хорошей партии?

О борьбе за мир. Вообще, мир восторжествует, когда у нас будет полное превосходство. Но пока надо уметь сохранять мир. Впервые в истории американцы говорили с нами о зоне Америки, договорились об американском континенте. А раньше не считались с нами даже в Европе. Правда, Сталин заставил считаться, он сделал блокаду Берлина. Но это было хуже, лучше наши лозунг мирного договора (?), он притягивает к нам людей. Вы – люди военные, кто из вас беспокоится о смене профессии, то зря, это будет очень и очень нескоро. Де Голль страдает манией величия, поэтому не всегда поймешь, что он хочет. Когда мы с Малиновским с ним встречались во Франции, то он сказал, что мы вас русских очень боимся. Вы стали очень сильны. Нам без Германии с вами трудно. Поэтому Де Голль будет стремиться сохранить против нас сильную Германию. Но он заявил, что его цель – выгнать из Европы американцев. Но наша цель та же, и Де Голль отчасти помогает. Но буржуазная Европа боится остаться без американцев против нас.

Внутренние вопросы армии. Вооружение хорошее. Конечно, все вы говорите, что мало, надо больше. Много – хорошо, но не всегда разумно, т.к. техника стареет, за год новой техникой не оснастишь. Бдительность и дисциплина должны поддерживаться. Варенцова знаю по фронту. А он продвигал через Серова офицера, который оказался шпионом, врачом. Пеньковского выгнал атташе из Турции с убийственной характеристикой. Серов предложил, чтобы была хорошая характеристика. Что с Варенцовым делать? Судить? Во всяком случае, снизить в звании придется много. А Серов? Он доверял Пеньковскому, последний сопровождал семью Серова в Лондон, давал условленные встречи, взял обязательства перед иностранными разведками. Пришел к американцам сам – прогнали, думали, что провокатор, пришел к англичанам – приняли. Он сын белого генерала, разве не видно было это.

С. П. Иванов выболтал Панову много тайн. Я с ним готовился к «кубинской операции», а он рассказал Панову. Панов попался на том, что дал взятку тем, кто составляет генеральские списки. И получил генеральское звание. Ч... много и долго поддерживал Иванова и Панова. Он рекомендовал Якубовскому Панова, хотя доверия Панов не имел. Иванова я знал, он у Ватутина был старательным, но видимо карьерист. Что делать? Кто выбалтывает тайны, тот погубит страну. Судить? (Голос: «Да, судить!»). Москаленко много болтал адъютанту, теперь этого адъютанта посадят. Я Москаленко знал по фронту, уважал его, но простить нельзя! Отношение должно быть человеческое, но и служба страдать не должна. Адъютанты не должны знать то, что знают большие начальники. Нужно подбирать адъютантов. Кто нарушает долг, того нужно наказывать...

Как всегда, Хрущев говорил без записей, сбивчиво, нервно, с заиканием. После выступления Хрущева поднялись наверх, в зал приемов. Накрыты столы буквой «П». Поднимались тосты:

Хрущев – за народ, партию и армию;

Малиновский – за партию, ЦК и Хрущева;

Еременко – за Хрущева;

Захаров – за партию, ЦК и Хрущева;

Заключительный тост Хрущева – за армию и всех присутствующих. Он далее сказал, что войну может развязать и дурак, но найти умного, который хорошо ее закончит в век ядерного оружия (это он, возвращаясь к вопросу о привозе и увозе ракет с Кубы), тяжело.

9 октября, поезд Киев – Адлер.несколько слов о Соколовском, сыне маршала Соколовского. Он был замом комсоединения. Он сообразителен, обладает быстрой мыслью, хорошей памятью и мог бы быть хорошим человеком. И не более. Но отец позаботился, а он положение отца использовал для карьеры. В начале 50-х (в 50 или 51) он с другими преступниками, будучи слушателем Академии им. Фрунзе, был осужден на 5 или 6 лет за изнасилование девушки. И что же? Любой другой на его месте не увидел бы больше армии и вообще – серьезного доверия людей. Но стараниями отца он отсидел мало, возобновил службу и далее окончил Академию Генштаба. Да разве можно такого человека делать комдивом и генералом (в 1963 он стал генералом)? Ну, уж раз так, то Соколовскому следовало бы очень дорожить доверием. А он? В нем сочетается немало отрицательных качеств. Он подхалимствует начальникам и... смеется им в спину. Отчасти авантюрист. Уже две женщины написали о нем, что при приеме по квартирному вопросу в услугу за получение квартиры он склонял их к сожигательству. Торговал землей, беря за нее с колхозов мзду. Ему все прощается. Заносчив. Раз на приеме у командующего военного округа генерал Дмитриев попросил слова для тоста. Подвыпивший Соколовский кричит: «Посадить его и не давать ему никакого слова!».

1964 год

9 ноября, Днепрпетровск. Встретился с чл. ВС В. В. Щербицким. Мы поговорили о разных делах, а потом я, как бы между прочим, сказал: «В.В., сейчас уже можно, наверное, сказать о том несчастье, которое Вам пришлось пережить (я имел ввиду освобождение от обязанностей председателя СМ УССР в августе 1962). Он ответил, что это, собственно, не несчастье, но об этом не стоит говорить (кстати, мне Дмитриев говорил, что на активе после октябрьского Пленума, освободившего Хрущева, товарищ Щербицкий сказал, что он выступал против разделения промышленных и сельских органов, и за это пострадал. Далее в разговоре он сказал, что эта сука Иващенко, узнав о подготовке Президиума по Хрущеву, пыталась сообщить ему об этом. Звонила Семичастному, сумела сообщить что-то зятю Хрущеву – Аджубею. А когда спросили ее после Пленума, зачем она это делала, то сказала, что «боялась заговора». Она ведь ценности никакой не представляет и держалась только за счет Хрущева. Я сказал Дмитриеву, что Щербицкий выступил против нее очень резко на Президиуме ЦК КПУ, когда готовился вопрос о Хрущеве). Затем Щербицкий сказал, что сейчас мы должны не поднимать шума, а по-деловому перестраиваться: «Я останусь здесь. Мне звонил Брежнев, спрашивал. Я сказал, что хочу остаться. Он спросил, искренен ли я, и я ответил, что да!»

11 ноября, Днепрпетровск. Сегодня Панин, начальник отделения пропаганды и агитации, который был на сборе в Москве, рассказал основы содержания доклада Малиновского на активе центрального управления МО после октябрьского Пленума:

Хрущев, будучи невеждой в военной области, совершил немало ошибок в военном строительстве. С ракетами на Кубу была авантюра, которая едва не закончилась войной. Он поставил страну на грань ядерной войны. Сокращение на 1200 тысяч в 1960 было недопустимым, и был нанесен ущерб. Большой вред – значительный в авиации и боевых кораблях. Вмешивался в ряд вопросов, не разбираясь в них. Протаскивал плохие ракеты своего сына и отстранял хорошие. Только хитростью мы сумели поставить на производство лучшие ракеты. Летом этого года, посмотрев новейшие ПТ средства, приказал прекратить производство танков, т.к. «они в современной войне бесполезны». Неоднократно ставил вопрос резко снизить оклады военным и военные пенсии.

1965 год

28 января, Днепрпетровск. Сегодня утром позвонил П. К. Кошевой и попрощался. Он сказал: «Я уезжаю к новому месту службы в Германию – Главнокомандующим группой войск. Надеюсь, Геннадий Иванович, что все то, что мы с Вами создали почти за 5 лет, будет оправдано результатами». Я заверил его, что приложу к этому все силы, и пожелал ему здоровья, счастья и успехов в новом большом деле.

Итак, П. К. ушел. Он много сделал. И как-то грустно. Кроме того, нужно привыкать к новому командующему. Как сложатся отношения? Сложный и противоречивый характер Кошевого, но не хотелось с ним расставаться. Все-таки из всех командующих, каких я встречал, в целом это наиболее сильный, способный и, я бы сказал, талантливый. Кошевой хорошо знает опер. искусство, в совершенстве – тактику, боевую подготовку, хорошо знает все вопросы военно-технической подготовки. Следовательно, его знания войны находятся на уровне современных требований. А организаторские качества у него отличные, чему я всегда у него старался учиться, но не получалось у меня так, как это умеет делать П. К.. Он тверд, последователен и беспредельно настойчив в достижении поставленной цели. Только ему я обязан тем, что в нашей А... хорошая учебная база, он поддержал мои просьбы, дал деньги – а это главное.

По натуре: горяч, нервный до болезненности, что иногда вредит. В отношениях с людьми противоречив. Иногда не замечает подхалимов, в то же время предвзято относится к тем, кто ошибся раз или не произвел должного впечатления. Но то и другое все-таки не система, в людях он хорошо разбирается. Допускает грубость, а потом вынужден исправлять тем, что терпеть недостатки тех, кому нагрубил. Оценки дивизиям на учениях иногда довались с пристрастием из-за отношения к командирам дивизии. Свои ошибки никогда не признает, хотя из-за неправильной организации определенных этапов учений пострадала дивизия. Не всегда терпит предложения, если они умнее его собственных.

19 сентября, Днепрпетровск. 1 сентября Президиум ЦК КПСС вынес постановление «О состоянии военной дисциплины в ИА дивизии ВА Закарпатского ВО и гибели начальника ПО этой дивизии».

Привлечены к ответственности командир, член ВС и НШ ВА, снят командир дивизии. В решении указывается, что на почве пьянства совершается ГП и в других соседних ВС, нет уставного порядка. Президиум потребовал от МО и Главного ПУ принять меры и донести к 3.12.65.

По информации, которую получил Александр Павлович Дмитриев от ПУ округа, многие сердиты, что вопрос на заседании Президиума ЦК стоял остро. Подгорный, который вел расследование, высказал ту мысль, что молодежь приходит плохо воспитанной. Далее он указал, что если так будет, то снова по распущенности будет 1941 год.

От нас запросили, какие меры мы предлагаем по коренному улучшению дисциплины. Послезавтра мы представляем собранные по этому вопросу соображения широкого круга товарищей.

Наши предложения сводятся к следующему:

- улучшить подготовку младших командиров;
- ликвидировать систему подготовки в ВУЗ из третьего года слушателей как разлагающую дисциплину;
- перейти на двухгодичный срок службы;
- восстановить институт заместителей командиров рот по политчасти или помощников политруков;
- разработать определенные ограничения для службы в ВС лиц, совершивших уголовные преступления;
- позаботиться о квартирном устройстве офицеров и сверхсрочников, сверхсрочников не будет, пока не будет для них квартир;
- улучшить устройство войск.

Мы не внесли предложения по улучшению воспитания молодежи, т.к. требовалось доложить соображения лишь по ВС. Однако, как бы Подгорный не говорил об объективизме, а в воспитании молодежи порядка нет. Комсомол превращен в такую широкую организацию, в которой очень много недостойных носить это звание. Требовательность к комсомольцу, его примерности ввиду этого резко снижена. Студенческая молодежь не в полной мере воспитывается на революционных традициях, туда широко заносятся чуждые нравы, чуждая мораль и эстетика. В кино показывают роскошные квартиры, а когда молодой человек приходит в армию и его заставляют спать на втором ярусе, он не хочет этого и начинает ныть, безобразничать и т.д.

Резко снижена ответственность за воинские преступления. За самовольные отлучки по закону можно наказывать в дисциплинарном порядке. За это цепляются юристы и не судят. В результате самовольные отлучения растут. Дезертирством считается лишь 10 суток и более, а если отсутствуют 7 суток, то это самоотлучка. Никуда не годится система материальной ответственности. Солдат за утерю или порчу военного имущества и техники не платит или платит очень мало. Такая система ведет к тому, что имущество не жалеют, растаскивают и много портят.

1966 год

22 января, Москва. Вчера был первый день заседания Гл. ВС. На заседании были Брежнев, Косыгин, Подгорный, Устинов, Малиновский, все руководство МО и с мест: я, Дмитриев, Якубовский, Головин.

Малиновский сделал доклад о состоянии боеготовности, оперативной и боевой подготовки. За три года после последнего заседания ВС Вьетнам стал полигоном для испытания различных видов оружия, в т.ч. химического. Нет гарантии, что там не применяют тактическое ядерное оружие. Мы полагаем, что это будет Северный Вьетнам. Европа – главный очаг опасности. Здесь основную роль играют США вкупе с ФРГ. Блок имеет 50 дивизий, 1100 установок и атомных орудий, 3500 самолетов в т.ч. 1100 носителей. В составе НАТО 12 дивизий ФРГ. Она претендует на особую роль в НАТО в реваншистских целях. США большое внимание уделяют наращиванию стратегических ядерных сил для всеобщей ядерной войны: стоят 850 стратегических ракетных установок, кроме того, «Полярис» 350 на ПЛ, вводят новые стратегические бомбардировщики. Готовят внезапный удар. Высочайшая степень готовности ракет. Увеличивается готовность и численный состав обычных сил. Так, СВ увеличились в 1965 на 235 тыс. человек, особенно армейская авиация и аэромобильные соединения. Это позволяет развязать войну без существенных мобилизационных мероприятий и в то же время вести ограниченные войны. Отсюда делать выводы и готовить боевую готовность ВС к войне независимо от того, как она начнется: с применением ядерного

оружия или нет. Затем он дал анализ состояния боевой готовности. За последние годы главные усилия сосредоточились на развитии решающего вида – РВ стратегического назначения. Одновременно продолжалось развитие и других видов. Выправляются ошибки, устанавливаются тесные отношения и боевое сотрудничество с армиями стран Варшавского договора. Указал на недостаточность секретности, проявляется беспечность в сохранении тайн. Недостаточно военно-патриотическое воспитание. Много приходит плохо воспитанных морально и физически. И т.д.

Затем Епишев сделал доклад о политическом воспитании и дисциплине. По докладом выступили Крылов, Белобородов, Лащенко, Амелько, Казаков, Полубояров, Якубовский, Лобов, Стученко, Орел, Бажов, Судец, Чуйков, Павловский, Греков.

Сегодня второй день. Говорили по вопросам внешней политики, об отношениях с соцстранами. Отношения даже с Румынией улучшилось. То же с Кореей. С Китаем не продвинулись, наоборот, идем назад. Нужно добиться изоляции китайского руководства. Помощь Вьетнаму очень дорогая, но необходимая. Чем кончится – трудно сказать, но США не добьются успехов. Что не пошли на переговоры южновьетнамские товарищи – это ошибка. А уйти США трудно – ведь кто потом в них будет верить?

Затем состоялся обед участников с руководством партии и правительства в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца. Тост Брежнева в начале: за народ, партию и ВС. Тост в конце. Остальное – свободное творчество. Я сидел с Гетманом, напротив Толубко. На многие волнующие меня вопросы совещание не дало ответа: кадры, транспорт, штаты, склады, моторесурсы.

25 марта, Днепрпетровск. Сегодня зашел ко мне Дмитриев. Он в Ростове вступил в должность члена ВС, три дня работал, а сегодня прилетел, чтобы ехать вместе с нами на 23 съезд КПСС. Он рассказал, как представился Министру Обороны. Прежде всего Малиновский спросил его: «Как здоровье у Обатурова?» Тот ответил, что нормально. Малиновский переспросил и А. П. снова сказал, что нормально и никаких инфарктов не было, что Обатуров – хороший командир объединения. Малиновский сказал: «Говоришь, хороший, а почему он несмело принимает решения? Танкисты должны быть смелыми». Откуда он это взял? Я думаю, что он спутал меня с Бисяриным по игре в марте 1964 года. Тогда «грехи» мои состояли не в смелости или несмелости решений, а в перепутывании данных по железнодорожным перевозкам, которые подsunул мне офицер оперотдела майор... по указке Корецкого. Далее А. П. сказал: «Вам нужно идти первым замом командующего войсками СКВО, Шапошников уходит в запас». Я сказал, что у меня желания туда идти нет, с Иссой Плиевым работать нелегко. Далее он сказал: «А Малиновский все-таки очень упрямый человек». А я и так хорошо знаю. У него почти никто ничего не может добиться, если это не совпадает с его мнением. Дмитриев сказал, что Малиновский вызывал Плиева на предмет освобождения по возрасту, но тот о чем-то попросил, и Малиновский решил еще оставить. Но, видимо, более года тот не проработает. Говорят, что допустил ряд странностей: как всегда, длинные речи и разборы, нервничает и всех обвиняет при неудачах, работает 5-6 часов в день не более. А когда был в 65 году главный инспектор, то отказался ему дать свой разбор одного учения. В ЦК и ГлавПУ мнение о СКВО не высокое: боевая подготовка поставлена слабо, база неважная. Пеньковский тоже высказал недовольство.

31 марта, Москва. Съезд продолжается... Дмитриев сказал, что Плиев поддержал его мысль о том, чтобы просить меня в СКВО первым замом. Я сказал, что это зря, а он: «Напрасно, тебе нужно идти». В фойе, в перерыве, Якубовский мне сказал: «У меня был Ицук (начальник ОК КВО), я его вызывал. Его ГУК спрашивал насчет того, чтобы Обатуров пошел на заместителя по боевой подготовке в округ. Я сказал тому: «Насчет этого пусть сами говорят с Обатуровым». Как думаешь?»

Я сказал: «А как Вы, товарищ командующий, думаете»? Цель моя была узнать, что он думает обо мне. Якубовский сказал: «Я бы на твоём месте не пошел, это пройденный этап. И имей в виду, что я тебя аттестовывал «первым замом» или НШ округа». Я ответил, что ГУК уже много раз старается столкнуть меня на зама по боевой, а я не шел и не пойду. Тот ответил: «Это правильно, не ходите».

1 апреля, Москва. Съезд продолжается.

Сегодня Плиев говорил со мной, чтобы пойти к нему первым замом: «Это Вам повышение. Я Вас знаю, уверен, Вы округ знаете». Я поблагодарил и просил два дня подумать.

5 апреля, Москва. Продолжается съезд.

Вчера я насчет предложения Плиева советовался со знакомыми мне командующими и начальниками. Ведь выдвижения здесь нет, должность равная моей, моя даже интереснее. Но проходить эту ступень нужно. Лащенко посоветовал идти обязательно, Кошевой – если снижение, то зачем идти? Маршал Голиков – не особенно соглашайтесь, со скрипом, советую поговорить с Гусаковским и с Якубовским. А вчера Дмитриев мне сообщил тяжелую новость. Гусаковский сказал, что я аттестован на заместителя по боевой, поэтому вряд ли пройду на СКВО.

19 июля, Днепрпетровск. 3 мая по «ВЧ» Якубовский сказал мне, что есть телеграмма Гусаковского и что я рассматриваюсь на должность первого зама командующего войсками СКВО. И просит мнение ВС округа. Он спросил, что ответить в части моего мнения. Я попросил сутки подумать, а потом позвонил и сказал: «Если можно, то прошу оставить на месте». 7 мая Якубовский от имени ВС ответил (это сказал мне начальник ОК округа Ицук): «Товарищ Обатуров заслуживает быть выдвинутым на эту должность. Со своей стороны он просит оставить его на месте». 11 июня меня пригласил Ватченко и сказал, что из ЦК ему звонили инструктор Данилов в отношении моего нового назначения. Со своей стороны, как он мне сказал, он дал обо мне положительный отзыв, и ему известно, что я желаю остаться на месте. 14 июня получено распоряжение, а 15-го я выехал в Москву. 16-го я был принят генерал-лейтенантом Майоровым – управление ГУК. Разговор был хорошим. Затем он представил меня Гусаковскому. Диалог был следующий.

Гусаковский: «Принято решение назначить Вас в Ростов первым замом. Как Вы на это смотрите?»

Я задумался и собрался отвечать.

Гусаковский: «Вы ведете себя неправильно. Думаете, что делаете нам одолжение».

Я: «Если этот вопрос решен, то разговора быть не может, я готов выполнить решение. Но было время, меня спросили, как я смотрю, и я ответил так, как думал».

Гусаковский: «Уже до ЦК дошло, что Вы ломаетесь».

Я: «Вполне ясно, как дошло. Ватченко знал мое мнение об этом и сказал Данилову. Но я понимаю разницу между предложением и решением. Раз Министр решил и представил материал в ЦК, то я готов выполнить».

Гусаковский: «Это – другой разговор».

Я: «У ГУК вообще превратное мнение обо мне. В 63-м я должен был пойти советником в Индонезию. Кошевой вызвал меня на медкомиссию в Киев, комиссия забраковала. В ГУКе товарищи обиделись на меня. В 64-ом я должен был пойти в группу войск в Германии на замену с Лихачевым. Кто-то решил, чтобы я не шел – опять мною недоволен, но я ни при чем, ничего не предпринимал, да еще кто-то доложил МО, что у меня было два инфаркта».

Гусаковский: «Это не так. Вы, когда были на учении с МО, имели приступ сердца».

Я: «Этого не было. Я плохо доложил. Министр был недоволен, но приступа не было. А следствие сказанного мною – аттестация этого года. Якубовский аттестовал меня очень хорошо – спасибо, а ВАК – на заместителя по боевой. Правда, МО согласился с Якубовским».

Гусаковский: «Есть округа, где заместитель по боевой нужнее командарма, он даже важнее первого зама».

Я: «Что касается одолжения, то это не так. Я считал и считаю решение МО как большое доверие и постараюсь его оправдать».

Постепенно разговор наладился, но чувствую, что Гусаковский понял меня так, как будто я на что-то претендую. Он говорил затем о Шапошникове, моем предшественнике, который вел себя неправильно, в том числе в отношении командующего округом Плиева, за что был снят, говорил об особенностях округа. Он сказал, что меня просит Плиев и за меня настойчиво просил Дмитриев.

17 июня я был в ЦК КПСС. Сначала беседовал с Даниловым, затем с заведующим сектором СВ административного отдела ЦК Потаповым (подробно и долго), затем он представил меня зам. заведующего административным отделом Грачеву. Последний беседовал коротко и сказал, что они будут докладывать Политбюро обо мне для назначения, пожелал успехов.

1967 год

8 апреля, Ростов. Умер Маршал обороны Малиновский. Рак. Хоронили 3.04 в Москве, на Красной Площади с 15.00 до 16.00.

Урна была заложена в Кремлевскую стену. От нас на похоронах были командующий Плиев и член Верховного Совета Дмитриев.

4.04 их принял Брежнев. Он сказал, что нужно повышать выучку и дисциплину войск. Говоря о решении Политбюро «Об улучшении партийной политической работы в Вооруженных Силах» от января с.г., Брежнев сказал, что воспринято оно правильно. Но кое-где, отметил он, на активах, проскальзывали высказывания, что это отрицательно скажется на единоначалии. Брежнев сказал, что эти взгляды неправильны, так можно опять дойти до ущемления партийно-политической системы. Ведь мы вынуждены были в 1957 собирать Пленум ЦК по этому вопросу. Это рассказал Дмитриев.

16 апреля, Ростов. Состоялись назначения 12 апреля. Министром обороны назначен Маршал Гречко А.А., бывший первый заместитель Министра обороны.

Первым замом назначен Якубовский (командующий войсками КВО) с присвоением звания Маршала. Я его поздравил телеграммой. Он 1912 года рождения.

Также первым замом назначен Соколов, командующий войсками Ленинградского Военного Округа. Что он будет вести, не знаем, но говорят, что он – старый преемник Маршала Захарова на посту начальника ГШ. Он получил звание генерала армии. 1911 года рождения.

Заместителем МО назначен Павловский, командующий войсками ДВВО, с присвоением звания генерала армии. Видимо, он будет возглавлять Ставку на Дальнем Востоке.

Вместо указанных командующих округами назначаются (по слухам): на Ленинградский ВО – Шавров, первый заместитель в Прибалтийский Военный Округ, на ДВВО – Лосик, также первый заместитель. Оба мне хорошо знакомы: Шавров – с первых дней службы в армии до окончания Академии БТВ в 1941, Лосик – по той же Академии, на одном курсе.

На КВО назначают молодого командарма, т.к. такие, как я – уже стары и (почему-то уже) не подходим. А кто он? – видимо, Куликов, с весьма посредственным опытом, но уважаемый «самим Я!» Скоро узнаем.

Кстати, на Северную группу войск назначается Шкадов, бывший мой первый заместитель в Днепре. Ничего особого в нем нет. Посредственность, но все повторяет за начальством, как попугай, своего мнения от него не услышишь. Вот это карьера угодничества!

Слов нет, видимо, в руководстве Министерства нужны помоложе, иначе некому будет обеспечить преемственность. Это понятно. Но почему выбор падает на тех, кто давно ни над чем не работает, даже не желает читать, и изрекает истины, во многих случаях неосновательные и неправильные, помыкает людьми, высокомерен, груб?!

Но помимо молодости есть у него (Шкадова) еще одно качество – это подхалимаж, угодничество, собачья преданность определенным людям. Поскольку такие дела сейчас решаются группой тесно спаянных личной преданностью людей, то и назначено это лицо. Это было ясно и предполагалось в ходе съездов в 1966 году. Разве у нас нет подлинно партийных и способных товарищей? Они есть, я неточен. Большинство приведенных выше таковы, кроме двух-трех. Иван в числе этих трех – ярко подхалимная и неодаренная личность, высокомерен к равным и подчиненным, знает и принимает лишь начальство.

Последнюю неделю я снова работал в Грозном. Суровый приказ издан по «хозяйству» Лободы. Он уже вышел на службу, но не работает в полную силу. Есть сдвиги, многое из того, что я указал в марте, выполняется. А Лобода? Со мной он был вежлив, послушен, как никогда ранее. До моего приезда, со слов его зама и начальника политотдела, был не всегда управляем. Так что же он так притих? Первый и второй секретари Чечено-Ингушского обкома, Опряткин и Дорохов, 12 апреля пригласили меня к себе. Они просили, чтобы мы всячески помогли соединению Лободы. Опряткин спросил: «В чем причина его неудовлетворительной работы?» Я сказал: «Переоборудование базы сделали несвоевременно. Некорректность руководителя, а требования растут». Они ответили: «Вы помогите, а мы товарища Лободу будем тут воспитывать». Основное содержание приказа они знают. Знают и взыскания (у Лободы есть строгий выговор). И тут я понял, почему Лобода был вежлив со мной. 1 апреля, когда я прилетел, Лобода и его заместитель – начальник политотдела – были у Опряткина. Очевидно, они ему приказали, мол, слушайся и выполняй, а то будет худо.

27 апреля, Ростов. Моченов готовится к отъезду. Они сами проверяли свое «хозяйство» за зимний период. Три части из четырех за день отстрелялись отлично. Вот что значит современная база и улучшение методики. «Методические указания» и «Методические пособия», которые я разработал осенью 66 года, уже сыграли положительную роль, и он (Моченов) с радостью и гордостью говорит, что три полка сразу стреляют рядом, и не было ни одного отказа учебной базы. А ведь сопротивлялся, обижался, капризничал. Сегодня о результатах я доложил Иссе. Он доволен и уже не сердится на меня за то, что я совершил «революцию» в учебном центре. А ведь она блестяще сыграла свою роль! Чистяков (офицер) сказал мне: «Все поняли, знают и говорят, что нашелся, наконец, человек, который не побоялся решительно произвести революцию в нашей учебной базе». А ведь это начало. Весь округ нуждается в революции учебной базы.

30 апреля, Ростов. Вчера звонил по «ВЧ» и поздравил с первомайским праздником Лащенко (командующего Прикарпатским округом) и Ватченко (первого секретаря Днепропетровского обкома КПУ). Последний мне сказал, что на КВО будет назначен молодой командарм, т.к. Чипс уже стар и не проходит (это в 57 лет – стар! Тогда я тоже). Он сказал, что Якубовский жалел, что Обатурова убрали из округа, и хорошо отзывался обо мне. Далее он, видимо, в шутку сказал: «Вот не ушел бы, стал бы командующим». Я сказал, что с армии на округ требуется особый талант. Он: «Вот так и в КВО будет». Это, конечно, в отношении меня шутка. Ведь если бы я был достоин, то нашли бы, где бы я ни находился. Ватченко рассказал, что сидел рядом с Якубовским на сессии и сказал последнему: «Будешь, наверное, заместителем Министра». В этот же день Якубовского вызвал Брежнев и сказал: «Вы у нас самый молодой – будете замом Министра обороны. А там, если все в порядке, то и Министром. Мы допустили, ошибку что не омолаживали состав Министерства. Вот Захаров уже старик (а Захаров тут же сидит и краснеет), а кто его заменит? Мы будем решительно омолаживать руководство, руководящие кадры в Армии». Якубовский рассказал Ватченко, что, по новому закону о действующей военной службе, увольнять обязательно по достижении соответствующего возраста. Например, чтобы Маршал служил далее 60 лет, нужно специальное решение Правительства. Генерал – до 55 лет. Значит, мне осталось служить 3 года. А на округа пойдут не старше 52 лет. Я просто устарел, просидев на армии. Кстати, недавно Дмитриев передавал привет от Головкина и рассказал следующее: что тот говорил ему, как Якубовский произнес: «Макаров – не Обатуров, одни неприятности, к тому же оказался с гипертонией. Обатуров был беспокойный, зато мы были совершенно спокойны».

Спасибо хоть на том, что уже вспоминают меня добрым словом за тот гигантский труд, который я проделал. Ватченко рассказал также, что до 26 апреля у него был Пеньковский, который высоко отозвался об учебной базе, но многим остался недоволен и поучал Макарова и Барнова. Он отметил, что все говорят о том, что база – заслуга Обатурова. Вот так все вспоминают добром, а направили за это на понижение (хоть и говорят, что на повышение). Категорически понижение: округ маленький. Ладно, хоть и не отличают, но и худом не вспоминают.

4 июня, Ростов. Вот так. Я (да и многие моего положения) сейчас переживаю тяжелую депрессию. Оказывается, я по возрасту уже никуда не пойдусь. Так говорит ГУК, где стараются необоснованно меня очернить Майоров и Гусаковский. Так говорят в кругах Министерства обороны. Но в то же время назначили на группу и округ Шкадова, 12 года рождения (а он старше меня). И Лосика, 11 года. Равного моему возрасту Шаврова, 16 года. Вертят, как хотят. Назначен на КВО Кулишов, которому 45 лет. А у него никакого опыта. Дмитриев вчера рассказал. Он был на съезде ДОСААФ. Ефимов (первый заместитель начальника ГлавПУ) спрашивает: «Обатуров сильно стар? Обатуров все болеет!?»

А я, можно сказать, абсолютно здоров. У меня болело сердце из-за всех этих дел, вот и приписали мне болезнь. Пусть делают, что хотят. Несправедливость так жалит человека, как ничто. Но что поделаешь...

10 июля, Ростов. В ночь с 5 на 6 Израиль напал на ОАР, Сирию и Иорданию. В течение 5 дней он нанес им военное поражение, занял Синайский полуостров, лучшие районы Иордании и часть Сирии. Насер болтал о коалиции, о готовности к отпору, но ничего конкретного не сделал. Во главе ВС – его реакционные генералы из коммунистов и буржуазии. Например, перед нападением Израиля начальник ВВС генерал Ситхи уволил массу офицеров. Авиацию не рассредоточили, оставили без экипажей, и она вся была сожжена на аэродроме. Основные сухопутные силы оставались западнее Суэцкого Канала, а ВМФ не принял даже участие в боях. Управление с самого начала потеряли. Наших консультантов эти господа не

слушали – и заплатились. А 8 Насер пытался отречься, но ему не позволили в Национальном собрании (сыграло роль и письмо Брежнева, Подгорного, Косыгина). Вот так вождь арабов! Потребовались все силы нашего ЦК и СМ – и дипломатических, и политических – чтобы остановить десятого числа огонь. Затем – чрезвычайная сессия ООН по нашей инициативе. США и Англия против – и попадают в изоляцию. Они вынуждены согласиться уже перед самым открытием. Начаты маневры Израиля (прошли антисоветские выступления) и США. Советский проект резолюции поддерживают многие. Наряду с американским проектом направлен на защиту Израиля в качестве контрмеры и проект латиноамериканских стран, который по существу направлен на защиту агрессора. 5 июля состоялось голосование. За проект вывода израильских войск за линию перемирия без всяких уступок проголосовало 53, против 46, воздержалось 20. За проект латиноамериканских стран, который за вывод войск и ведение переговоров: 56-43-20. Ни один проект резолюции не прошел. США сорвали с помощью латиноамериканских и некоторых других стран. 8-го прошло совещание компартий социалистических стран (осуждение агрессии, требование вывода израильских войск и прекращение военных действий). Чаушеску против того, чтобы считать Израиль агрессором. Наши делают вид, что не замечают. Тито выступил с резким осуждением поведения румын, назвав это предательством. Как все больше раскрывается национализм румынских руководителей! А на сессии ООН Маурер тоже манипулирует между Джонсоном и Косыгиным, по существу поддерживая США.

Пленум ЦК КПСС с 19 июня «О политике СССР в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке» (докладчик Брежнев). В связи с 50-летием Октябрьской революции по всей стране проходят Пленумы обкомов. В Ростове 29 июня делал доклад Бондаренко.

ОАР и Сирии подается большая военная помощь. Насер понял, что надо иметь не консультантов, а советников от СССР и слушать их указания. В ОАР направлен Маршал Захаров и генерал-полковник Начинкин. В Сирию – генерал армии Соколов и кто-то из Главного управления.

26 августа, Ростов. С 15 января по 15 марта был на высших академических курсах при Военной Академии Генштаба. Это, как потом выяснилось, был первый набор возрожденного ВАКа. В этом году будет еще три набора. Сообщение о зачислении на ВАК было получено 5 января. 11-го я выехал в Москву. Перед отъездом Плиев сказал: «На такие курсы не всякого берут. После праздника 50-ти летия Советской Армии будут крупные изменения в кадрах».

Что от имел в виду? Или он о чем-то осведомлен – мне не ясно.

12 января прибыл в Академию. 13-го состоялось организационное совещание. Руководить ВАКом будет генерал-полковник Радзневский – Первый заместитель начальника Академии. Непосредственно и много будет уделять нам внимания начальник кафедры генерал-полковник Глебов.

Лекции читали: Маршал Захаров – «Основы стратегической операции главных видов ВС». Вершинин, Горшков, Батицкий – «О применении видов ВС в стратегических операциях и перспективы их развития». «О перспективах развития сухопутных видов» лекцию читал Штыменко. «О выдвигении, использовании родов войск в фронтовой операции» прочли начальники родов войск: сухопутных войск – Маршал артиллерии Козаков, генерал-лейтенант Харченко, а также заместитель начальника войск ПВО, начальник Главного штаба ВВС и другие. «Об основах фронтовых операций» хорошо прочел лекции товарищ Глебов. «О разведке» – старый знакомый, начальник кафедры иностранных армий генерал-лейтенант Мельштейн. Очень много внимания уделил начальник Академии, генерал армии Иванов В. Д.. В течение учебы было два семинара по стратегическим и фронтовым операциям. Отработан весь комплекс по фронтовым наступлениям, где динамика операции начиналась обычными средствами, во взаимодействии с флотом. Слушались лекции: и по обороне Армии, и по международному положению, и по проблемам международного коммунистического движения. В плане культурного обслуживания: смотрели новые фильмы, посещали Ленинские Горы, алмазный фонд, магазины «Березка». Посетили оперу, театры. Жили в гостинице ЦДСА. Хуже ее в Москве нет: есть даже клопы.

Не очень понравился преподаватель нашей группы генерал-лейтенант Мордвинцев.

12 марта встретился с нами Министр обороны, Маршал Гречко. Он выслушал наше мнение об Академии, о курсах и заявил, что за 2 года планируется пропустить весь руководящий состав – и тут же распорядился в этом году произвести еще три набора.

13 марта меня вызвал начальник ГУК Гусаковский и сказал: «Ну, вот, который раз опять возвращаемся к Вам. ГУК считает, что может быть три варианта использовать Вас. Первый: почти первым заместителем во Львов или в Киев. Второй: остаться на месте. Третий: может быть, стать командующим СКВО. Министр сказал, что решит это, когда побывает у вас в округе при вручении ордена

«Красного Знамени», которым награжден округ. Будет это, наверное, числа 9-10 марта. Советую Вам обязательно туда выехать». При беседе присутствовали генерал-полковник Лукашин и генерал-майор Радионов. Я ответил: «Если, конечно, СКВО будет командовать кто-либо из моих бывших подчиненных, мне лучше уйти». Гусаковский: «А что в этом плохого? Мною командовали бывшие подчиненные. И куда бы вы хотели? Во Львов или Киев?» Я подумал и ответил: «Лучше Киев, там меня знают и руководители Украины, и в округе. Плохой памяти о себе я там не оставил». Гусаковский: «Хорошо. Будем иметь в виду. Правда, Прикарпатский ВО больше и интереснее. Будем говорить еще с Якубовским. Да, и Маршал Гречко Вас знает». Я сказал, что Министр меня «не знает». Гусаковский ответил: «Вы командовали у него в округе полком. Он помнит вас. Говорит, что если и были Вы ершистым командиром полка, но в полку у Вас всегда был порядок».

Далее он предупредил меня, чтобы я об этом разговоре никому не говорил. Итак, все ясно. Министр считает, что на округ я не гожусь. Работа ГУКа в прошлом по очернению меня достигла цели. Может быть, теперь ГУК и рад исправить положение, но поздно. У Министра созрело отрицательное мнение. Но чем я хуже? Всегда я был точен и исполнительен. Якубовский не может упрекнуть меня, чтобы я проявил неисполнительность и подвел его. Но ему именно это и не нравится. Не завоевав у них личного авторитета, я не нужен на округ. Вот так. Переживал и переживаю остро. Правда, вручение награды отложено до 4 мая, к 50-летию округа, и Гречко у нас еще не был. Но я понял, дослуживать мне в должности первого зама. Тем не менее мне вряд ли нужно себя упрекать в чем-либо. Может быть, только в том, что следовало быть кое-где терпеливее и сдержаннее.